

ды своей жизни службе „матушке-России“ по расширению и охране ее границ, продолжать делать что и сейчас еще призывают их обанкротившиеся казахи „вожди“; если бы казачья интеллигенция свои силы и знания употребляла на помощь и пользу родного ее Казачества, помогала и содействовала творческому развитию всех духовных сил казаков? Сколько этих „если бы“!

Какую блестящую будущность может иметь правильно поставленное спортивное дело в Казахских Краях! Без всякой научной подготовки, созданная исключительно практическим, опытным путем казачья джигитовка своей лихостью, смелостью ныне поражает весь мир; таким же практическим путем получались бы виртуозные казачьи лодочные гребцы, из которых многие могли бы пожинать лавры побед на международных гонках; сама жизнь вырабатывала удивительных кулачников, из которых при правильной и систематической тренировке могли бы получиться мировые боксеры; сколько мировых рекордсменов в области метаний копий, дисков, бега и т. д. могло бы дать Казачество! По скольким руслам могла бы побежать по лицу земли слава казачья и сколько торжественных и радостных моментов мы могли бы переживать на европейской арене!

А каких блестящих футболистов могли бы дать казаки при правильной организации этого дела? Казачья физическая сила, прекрасное здоровье, природная ловкость, быстрота и натиск в гармоническом сочетании с казачьей „сметкой“, с молниеносной сообразительностью

(сообразение в момент падения с лошади — как лучше упасть?) являются верной гарантией, что казаки были бы лучшими мировыми футболистами.

Для иллюстрации того, что это мое предположение не является только моей праздной фантазией, приведу один пример. В Чехословакии среди тридцати мальчиков-калмыков, выросших на слабом беженском питании, в условиях эмигрантской скудности, была создана футбольная команда, которая в 1929 году в турнире средних школ Чехословацкой республики получила первый приз, показав за все время турнира прекрасную игру. Эта калмыцкая команда дала первоклассных игроков, один из которых теперь играет в составе лучшей футбольной команды Чехословакии (А. Уланов в „Спарте“).

Такая команда была составлена только из состава 30-ти мальчиков. А что было бы, если бы, выбор был произведен из большего количества калмыков? А что было бы, если бы команды составлялись из всего состава Казачества?

К сожалению, все это рассуждение на тему „если бы, да кабы“. Но, присутствуя в субботу на матче в Венсене, я с горечью думал об этом. И с головы моей не выходила мысль: какое счастье быть любимым сыном своего народа, живущего самостоятельной государственной жизнью и участвовать в деле прославления имени своего родного народа! Но как тяжело и больно видеть страдание и трагедию своего народа под властью жестоких врагов, а самому быть бездомным скитальцем, „лишним человеком“ на чужом торжестве!

Париж. 8 июня 1931 года.

Ш. Б.

Казачья эмиграция.

Не казачий тип из „Казачьего Союза“.

9 июня единственный в эмиграции старейший Бакша Донских калмыков (настоятель буддийского монастыря) явился в „Казачий Союз“ в сопровождении одного безработного гелюна (буддийского священника) с желанием просить для последнего работу. Не успели они войти в помещение Союза, как г. Зенков, не спрашивая — зачем они пришли, грубейшим тоном приказал: „снимите шапки“!

Старый Бакша, всю жизнь привыкший снимать шапку только перед образами Божьими, теперь уже нарочно, спокойно осмотрел комнату и ответил: „здесь нет образа Божьего, мне не перед кем снимать шапку“. Зенков еще более грубо ответил: „у нас нет образа Божьего, но из уважения к моей личности вы обязаны снять шапку. Снимите“!

Само собою разумеется, я об этом пишу не потому, что Бакша сочувствует моим политическим взглядам. Нет, конечно, ибо Бакша совершенно и принципиально далек от всякой политики, свою мысль и взоры направив исключительно в сторону духовных дел, чистой религии. Он никому не говорил и не скажет об этом зенковском „приказе“, ибо это для него — „суета сует и всяческая суета“. Но я слышал, как сопровождавший его гелюн с горечью рассказывал об этом в кругу своих калмыков. Было обидно и больно слышать, как человек, воображающий себя одним из казачьих „вождей“, с такой легкостью и без всякой надобности позволяет себе оскорблять единственного в эмиграции духовно-религиозного главу донских калмыков, вместе с казаками горькую чашу до дна выпивающих.

Бедный наш старый Бакша, какие горькие думы он думал, выслушивая такой фельдфебельский „приказ“! Ведь не г. Зенкову учить Бакшу приличиям, уменью держать себя в обществе? Даже с точки зрения общественного этикета, Зенков мог свободно обойтись без своего „приказа“, так как в Париже не особенно принято снимать шапку: в ресторанах, в кафе, даже в официальных учреждениях — на почте, в государственных музеях, в мерях и т. д. шапку не снимают. Но Зенкову захотелось показать свою власть над старым калмыком...

Ведь у этого самого Бакши, над которым Зенкову захотелось поиздеваться, в страшную зиму 1918 года скрывался „Донской Баян“, Митрофан Богаевский, бежавший в калмыцкие степи от большевиков. В его доме гостил и Донской Атаман А. Богаевский. Они не требовали от него приличия, не учили его, не приказывали снять шапку. А теперь, когда в силу страшного несчастья наш старый Бакша вынужден надеть потертый пиджак, в помещении, хозяином которого является тот же атаман Богаевский, г. Зенков, не приглашая даже сесть, приказывает ему почтительно снять шапку перед ним!

О, люди, о, нравы!

Ш. Балинов.

ВАСИЛИЙ Г. БОДЯКИН (кубанец, лаби-нец). Умер три года тому назад (15 июня 1928 г.) в Югославии. Фотография помещается по просьбе К. Ачмизова (В. Бечкерек, Югославия).

Казаки в Панчево.

... Город Панчево, это уютный пригород Белграда, лежит при впадении реки „Тамиша“ в Дунай. Там есть и Панчевая казачья станица. В этой станице есть дошцы, кубанцы и казаки других Войск, но последних мало. Занятие у них очень разнообразное; есть слесари всех родов, мастеровые, шоффера даже имеющие собственные автомобили. А небольшая группа из них работает в местном „Русском госпитале“. В госпиталь